

Клуб самоубийц. Черная стрела

«Клуб самоубийц»

Увлекательное, ироничное повествование с детективным сюжетом о борьбе принца Флоризеля и его друзей против загадочного «Клуба самоубийц».

«Черная стрела»

На фоне жестокой средневековой войны династий Ланкастеров и Йорков, известной из истории Англии, как Война Роз, развивается история любви и захватывающие приключения молодого стрелка по прозвищу Черная Стрела. Немало придется пережить героям, чтобы не только вернуть себе доброе имя и родовое имение, но и заслужить любовь прекрасной Джоанны Сэнди...

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

РОБЕРТ ЛЬЮИС
СТИВЕНСОН

Клуб самоубийц
Черная стрела

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АСТ»

Роберт Льюис Стивенсон

Клуб самоубийц. Черная стрела

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

ISBN 978-966-14-4028-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Стивенсон Р. Л.

С80 Клуб самоубийц. Черная стрела : романы / Роберт Льюис Стивенсон ; вступ. материалы Р. Трифонова и Е. Якименко ; худож. Д. Скляр. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2012. — 416 с. : ил. — (Серия «Золотая библиотека приключений», ISBN 978-966-14-1318-3 (Украина), ISBN 978-5-9910-1598-1 (Россия)).

ISBN 978-966-14-3498-0 (Украина, т. 10)

ISBN 978-5-9910-1998-9 (Россия, т. 10)

УДК 821.111

ББК 84.4ВЕЛ

ФАКТЫ, ДАТЫ, ЦИТАТЫ

Современники о Роберте Льюисе Стивенсоне

Томас Харди (1840—1928), *английский писатель*

Мои воспоминания о Луисе Стивенсоне очень скудны, так как я видел его только несколько раз. Я встретил его однажды — возможно, впервые — в доме мистера ... Сидни Колвина ... недалеко от Британского музея. Других гостей не было, и я не помню подробностей встречи, кроме того, как он сказал, что ему нравится бродить в окрестностях музея. Более отчетливый его образ сложился в моих воспоминаниях о первом и последнем визите, который он нанес мне в Дорчестере, в августе 1885 года. Он явился в мой дом неожиданно из ... отеля, где жил день или два с миссис Стивенсон, ее сыном и леди, которая была кухней Луиса. Стивенсон сказал, что они направлялись в Дартмур. ... Он особенно хотел увидеть комнату, в которой я писал, но так как я совсем недавно приехал в дом, то еще не выбрал себе место для писания и мог только показать ему угол, который временно использовал.

Маргарет Мойес Блэк (1853—1935), *шотландская писательница*

Он был слишком тонким, слишком бесплотным, если можно так выразиться, недостаточно обыкновенным, чтобы его можно было назвать просто красивым. ... Его лицо, с удивительно сияющими глазами, с постоянно меняющимся выражением, само по себе было наделено особой красотой, которая совершенно гармонировала со странной мудростью его ума. Эта мудрость была настолько глубокой, и в то же время настолько причудливой, такой необычной и такой разносторонней, что к ее владельцу можно применить только одну цитату, брошенную ему немного возмущенно одной из его знакомых, когда он был слишком успешен в споре: ... «Так мало места в голове — ума же хватит и на две». Он кивнул на комплимент, возразил по

поводу размера своей головы, и ему чрезвычайно понравилась цитата. С той же соперницей он однажды попробовал состязаться в версификации. Оба продемонстрировали большое мастерство, но судья решил, что Луис выиграл, и он с триумфом унес приз — бутылку маслин, и был только огорчен, что не смог заставить побежденную разделить его пир, поскольку прекрасно знал, что для нее он будет настолько же омерзителен, как восхитителен для него.

С Эдинбургом, серым и продуваемым ветром, с его холодным бризом, с его вихрями мартовской пыли, у меня всегда будут ассоциироваться воспоминания о Стивенсоне и о счастливом доме семьи Стивенсонов под номером 17 на Хериот-роу. Из года в год солнечным летом их привлекал отель Суонстон, лежащий у подножия Пентландских холмов, но каждая зима находила их расположившимися, для дела или отдыха, в этом уютном доме, окна которого с фасада выходили на сады Хериот-роу, а сзади, с верхнего этажа, где находился уставленный книгами кабинет сына, можно было охватить взглядом, поверх крыш и коробок дымоходов, окаймленные золотом берега Файфа.

Грэхэм Балфур (1859—1929), *родственник и биограф Стивенсона*

Говоря о Стивенсоне и как о человеке, и как о писателе, мы обнаруживаем, что самым необычным в нем было соединение бесконечного разнообразия его характера и интеллекта с необычайной силой, с которой он переживал каждую мысль и каждое чувство. ...

Я заговорил о нем как о человеке и писателе, потому что в его случае в писателе не было ничего, что не было бы видимо представлено в человеке. Есть писатели, чьи произведения имеют так мало выраженного отношения к ним самим, что мы или удивляемся, как они смогли написать такую хорошую книгу, или в глубине души желаем, чтобы книги были более достойными людей. Стивенсон не принадлежит ни к одному из этих типов. ... Несмотря на хамелеоновскую природу его стиля, не много расположенных последовательно предложений на любой странице его произведения могли бы быть написаны другим человеком. Писательство предоставило поле для его энергии и наградило его успехом, но оно не изменило его в других отношениях и даже не заставило его использовать все способности и не истощило запасов его идей. ...

Когда он говорил, он исходил из собственных размышлений и опыта, и когда он молился, он не боялся перейти ограду пристойности, которая должна была включать все допустимые объекты молитвы, он благодарил за «работу, пищу и ясное небо, которое делает нашу жизнь восхитительной» и честно и почтительно просил о веселье и смехе.

Джеймс Мэтью Барри (1860—1937), *шотландский писатель*

Поскольку я никогда не встречался лично со Стивенсоном, я не имею права быть в этой книге (*текст написан для книги «Я помню Роберта Луиса Стивенсона» под редакцией Розалин Мэссон*), но я хотел бы стать в каком-нибудь темном уголке так, чтобы можно было без конца приветствовать его процессию, которая будет проходить мимо меня. ...

Когда я приехал в Лондон, там была пустота — Стивенсон уехал. Она не могла быть заполнена, пока он не вернется, а он никогда не вернется. Я видел эту пустоту снова на днях в Эдинбурге. Он не обязательно был самым великим, я так не думаю, но среди всех людей, которых мы видели, мы больше всего хотели бы, чтобы он вернулся. Если бы он прожил еще год, я бы с ним встретился. Все планы складывались, чтобы посетить Ваилиму (*усадьба Стивенсона на Самоа*), «остаться на этих берегах навсегда», как он написал, или что-нибудь в этом роде: «и если ты понравишься моей жене, как хорошо ты проведешь время, а если не понравишься, как я буду жалеть тебя». Я должен был сидеть на вершине какого-нибудь водопада, упасть и через секунду или две прийти в себя в зеркальной заводи. Меня предупредили, что местные не будут обо мне высокого мнения, пока я этого не сделаю. ...Я разрабатывал план, как застать его врасплох, ... когда пришла новость, что он взошел на холм за Ваилимой в последний раз.

Изабелл Стронг, *падчерица Стивенсона*

Прежде чем Роберт Луис Стивенсон стал известен в мире как писатель, имя Стивенсонов упоминалось в связи с маяками, которые оберегали побережье Шотландии — «раскрывали в сумерках свои огненные цветы» (*слова из стихотворения Стивенсона «Зима»*). Двадцатью стражами стояли они, возведенные на скалах среди гневных морей, твердо отбрасывая северные бури и служа

молчаливым свидетельством смелого мастерства своих строителей. Именно от этих смелых людей Роберт Луис Стивенсон унаследовал свое имя и свое мужество. ...

Климат его родной земли был жесток к хрупкому ребенку — или, может быть, климат сделал ребенка хрупким. В любом случае, историю его ранней жизни было бы грустно читать, если бы не сияние его души, светящее сквозь хмурые тучи слабого здоровья, как зажженная лампа. Когда ему было пять лет, мать спросила его, что он делал, и ответ на этот вопрос — ключ к его характеру: «Я весь день играл, — сказал он, — или, по крайней мере, я старался себя развеселить». Его любознательные глаза ясно смотрели сквозь дымку боли и находили очарование и интерес во всем вокруг. Сквозь его розовые очки соседний сад казался далекой страной; в звуках ночного ветра он слышал стук лошадиных копыт.

Ллойд Осборн (1868—1947), *пасынок Стивенсона, его близкий друг и соавтор трех книг*

(Знакомство в городке Грёз во Франции, где отдыхали молодые художники, 1876)

Мы поехали в Грёз, который был еще более привлекательным, чем нам описывали. ... Был такой ранний сезон, что весь отель принадлежал нам, хотя мы постоянно думали, что вернутся эти ужасные Стивенсоны. ...

Потом ... мы снова были в Грёзе, с каждым днем становилось все теплее, а ужасные Стивенсоны — все неизбежнее. Некоторые художники уже прибыли — приятные молодые ребята, которые рисовали поля под огромными белыми зонтиками и которые, казалось, не находили ничего оскорбительного в присутствии моей хорошенькой матери и очень хорошенькой сестры.

... Я представляю эту сцену так ясно, будто это случилось вчера, вспоминаю, как мы с матерью смотрели из окна нашей спальни вниз на Изабелл, которая разговаривала во дворе с первым из прибывающих Стивенсонов — «Бобом» Стивенсоном, как его всегда называли. ... С Бобом на нашей стороне — и скоро он стал почти другом — все наши тревоги утихли. И произошла странная перемена в нашем отношении к другому Стивенсону, этому неизвестному «Луису», как все его называли.

Луис, казалось, был для всех героем; Луис был самым чудесным и удивительным из людей; его остроумие, его высказывания, все его пикантное отношение к жизни было неисчерпаемой темой для разговоров. Все говорили: «Подождите, пока сюда доберется Луис», — с выражением нетерпения и ожидания.

Весь мой ужас перед ним исчез, и его место заняло что-то вроде благоговейного страха. Он стал и моим героем, этот чудесный Луис Стивенсон, который так живописно скользил по направлению к Грёзу в маленьком каноэ и каждую ночь спал на открытом воздухе в палатке. ... Потом на закате летнего дня, когда все мы сидели за ужином, где-то шестнадцать или восемнадцать человек, среди которых моя мать и сестра были единственными женщинами, а я единственным ребенком, странный звук раздался возле одного из открытых окон, выходящих на улицу, и в комнату вскочил молодой человек с пыльным рюкзаком за плечами. Вся компания поднялась с восторженным шумом, окружая пришельца, протягивая ему руки с приветственными криками. Его посадили на стул ... и, все еще смеющегося и разговаривающего, в общем шуме представили моей матери и сестре.

«Мой кузен, мистер Стивенсон», — сказал Боб, и затем последовали степенные поклоны, пока я ерзал на своем стуле, очень заинтересованный, и застенчиво украдкой поглядывал на незнакомца. Он был высоким, прямым, хорошо сложенным, с прекрасным здоровым цветом лица, копной светло-каштановых волос, маленькими рыжеватыми усами и необычайно блестящими карими глазами. Но эти детали не сообщают ничего об особой силе характера, которую, казалось, он излучал, ... и, кроме того, он был таким веселым, таким блестящим ..., что я смотрел на него зачарованно и с восхищением.

Каким невероятным показалось бы мне тогда, если бы какой-нибудь пророческий голос сказал, что жизнь этого незнакомца и моя будут идти вместе девятнадцать последующих лет, что мне суждено стать его пасынком, его товарищем, который разделит все его странствия; что нам суждено писать книги вместе, плавать в далеких морях; что мы построим дом в дикой тропической чаще и что в конце, когда весь мир будет скорбеть, мне суждено положить его опочившее тело на горной вершине в Океании.

Гилберт Кит Честертон (1874—1936), *английский мыслитель, журналист и писатель*

Стивенсон не встречал свои трудности как стоик. Он встречал их как эпикуреец. Он практиковал с суровым триумфом этот ужасный легкомысленный аскетизм, намного более сложный, чем аскетизм унылый. Его смирение можно назвать только активным и шумным смирением. Оно было не просто самодостаточным, оно было заразительным. Его победа была не в том, что он пережил свои невзгоды и не стал циником или трусом, но в том, что, пережив невзгоды, он вышел из них вполне веселым, рассудительным и вежливым, совершенно беззаботным и свободно мыслящим. ...

Кроме всех моральных качеств, Стивенсона отличала некая воздушная мудрость, легкая и прохладная рациональность, очень редкая и недоступная для тех, кому жизнь принесла мучения и разрушила мечты. Можно найти больного, способного работать, как здоровый человек, но очень редко — способного бездельничать, как здоровый. Можно найти больного, чья вера двигает горы, но нелегко найти больного, чья вера может вынести пессимизм. Для человека может быть возможным или даже обычным лежать больным в постели в темной комнате и быть оптимистом. Но действительно необычно лежать больным в постели в темной комнате и быть разумным оптимистом, и именно таким с успехом являлся Стивенсон, почти единственный из современных оптимистов.

Вера Стивенсона, как у великого множества очень разумных людей, основывалась на том, что называют парадоксом — на том, что жизнь прекрасна, так как она, во всех своих внешних проявлениях, безнадежна. ...

Выдающееся этическое и философское значение Стивенсона заключается в том, что он осознавал великий парадокс: жизнь становится тем более захватывающей, чем более темной, жизнь стоит того, чтобы жить, до тех пор, пока жить трудно. ... Он был оптимистом потому, что для него все было героическим, и ничего не было более героического, чем быть пессимистом. Стивенсону, оптимисту, принадлежат самые страшные сентенции пессимизма. Это он сказал, что планета, на которой мы живем, больше пропитана кровью, кровью животных и растений, чем пиратское судно. ... И его преимущество и отличие от обычных оптимистов только в том, что обычные

оптимисты утверждают, будто жизнь прекрасна несмотря на все эти вещи, а он говорил, что жизнь прекрасна благодаря им. Он открыл, что битва более утешительна, чем перемирие.

Особенности литературного дарования Стивенсона

Артур Конан Дойл (1859—1930), британский писатель

Главная особенность Стивенсона заключается в удивительной чуткости, с какой он на малом пространстве размещает как раз те немногие слова, которые создают впечатление, неизгладимо отпечатывающиеся в сознании читателя. Он заставляет видеть предмет яснее, чем если бы мы сами увидели его.

Он может утверждать, что овладел всей гаммой художественной литературы. Его рассказы хороши, как и его романы. Хотя в общем рассказы более характерны и с большей вероятностью займут свое место в английской литературе. Его таланту больше подходят короткие усилия. С некоторыми отборными писателями, как с редкими винами, маленький глоток позволяет лучше почувствовать вкус, чем большой. Это особенно заметно у Стивенсона. Его романы имеют все яркие достоинства, но у них обычно есть какой-нибудь изъян, недостаток, который может ослабить их неизменную ценность. В рассказах, по крайней мере в лучших рассказах, достоинства так же ярки, но изъяны исчезают.

Стивенсон, как один из его собственных персонажей, обладает исключительным даром молчания. Он неизменно прикован к своему рассказу и не склонен отвлекаться на обсуждение жизненных взглядов или теорий вселенной. Дело рассказчика — рассказывать. Если он желает обнародовать свои взгляды на другие вопросы, он может

воплотить их в небольших отдельных работах, как сделал Стивенсон. Если персонаж дает выход мыслям, которые освещают его собственную индивидуальность, это другое дело, но, конечно, недопустимо, когда автор останавливает действие своего рассказа, чтобы высказать личные взгляды на вещи вообще. К сожалению, наши величайшие авторы — худшие грешники в этом смысле. Что бы подумали о драматурге, который, остановив свою пьесу, вышел бы сам под рампу и обсуждал социальное неравенство или небулярную теорию? Стивенсон настоящий художник, потому не может совершить эту ошибку, и в результате он никогда не отпускает внимания своего читателя. Он показал, что человек может быть простым и немногословным, и при этом свободным от всех подозрений в пустоте и поверхностности. Ни один человек не имеет такой яркой индивидуальности, и в то же время никто не держится настолько в тени, когда берется рассказывать историю.

Р. Х. Стоддарт, *“New York Critic”*, 12 марта 1887

Если в наше время существует писатель, по поводу которого английские и американские критики в основном приходят к согласию, это мистер Роберт Луис Стивенсон. В его творчестве есть что-то, сложно сказать, что именно, что привлекает и удерживает внимание от первой страницы до последней, что предстает перед воображением, пока мы читаем, и не позволяет о себе забыть долгое время после того, как открытая книга была закрыта и отложена. ... Главное отличительное качество мистера Стивенсона, которое делает его стиль непохожим на писательство этого периода, — это фантазия, способность создавать персонажей столь же реальных, как существа из плоти и крови, и придумывать и формировать события, столь же неизбежные, как судьба. Выше всех писателей своего времени, он отличается ясностью и точностью видения; кажется, он видит, или считает, будто видит, все, что описывает, и читателей он также заставляет видеть.

Лесли Коуп Корнфорд (1867—1927), *британский журналист и писатель*

Роберт Луис Стивенсон представлял тип аристократа — небрежного аристократа — в литературе. ... Эволюция Стивенсона как

писателя, согласно общему правилу, сделала его страстно озабоченным изучением формы, в отличие — насколько их можно разграничить — от содержания. Он родился с единственным, властным желанием создавать что-нибудь с помощью слов. Что это что-нибудь должно содержать, было делом второстепенным; и действительно, когда этот разносторонний сочинитель пришел к завершению своей жизни, он оставил образцы почти всех жанров, известных в изящной словесности. Но сначала поиски формы поглощали его энергию; и направления этих поисков очень для него характерны. Его выбор моделей и методов работы — среди основных иллюстраций современной критики.

Эмми Крус (1870 — дата смерти неизвестна), *автор книги о Стивенсоне*

Еще не пришло время, чтобы оценить влияние Роберта Луиса Стивенсона на английскую литературу или отвести ему определенное место в ряду английских писателей. Все, что возможно сделать сейчас, — это указать некоторые из тех качеств, которые обосновывают его право на место среди бессмертных; окончательный приговор должны вынести следующие поколения.

... Замечательная черта письма Стивенсона — его характерный и законченный стиль. Писатель рассказал нам, сколько труда понадобилось, чтобы достичь такого стиля, но даже в ранних работах он представляет собой такое совершенное орудие, используемое с такой восхитительной легкостью, что несмотря на признание автора мы склонны верить, будто это прирожденный художник, счастливец, унаследовавший весь опыт и мастерство, которые накопили его предшественники, и прибавивший к этому собственное эффектное природное обаяние.

Лион Фейхтвангер (1884—1959), *немецкий писатель*

Когда теперь, через тридцать лет после его смерти, произведения этого великого мастера-повествователя впервые опубликованы в собрании сочинений на немецком языке, то прежде всего испытываешь страх — вдруг его рассказы, которые при своем появлении были новаторскими и революционными, покажутся сегодня избитыми и устаревшими. Стивенсону бесчисленное множество раз подражали,

техника приключенческого и детективного романа стала намного более смелой и тонкой, нас приучили к куда более острым приправам. Кроме того, часто те произведения, которые при своем появлении быстро завоевывали популярность, оказывались недолговечными. И все же чем больше читаешь книги Стивенсона, тем радостнее сознавать, что первое впечатление не было ошибочным. Влияние Стивенсона вполне закономерно, и он выдержал испытание временем. ...

Круг его тем богат и разнообразен, как сама его жизнь. Этот художник, родившийся в Шотландии в семье инженера, заболев туберкулезом, был вынужден скитаться по разным морям и странам и в возрасте всего сорока четырех лет, горько оплакиваемый всеми, скончался на маленьком тихоокеанском острове. За свою недолгую жизнь он написал мрачный шотландский роман-балладу, детективные рассказы из жизни современного Парижа, фантастическую повесть о человеке, который нашел средство расщепить свое «я», весьма реалистические сказки южных морей, большой исторический роман, ряд рассказов о путешествиях, критические статьи и многое другое.

Стивенсон не написал ни одной скучной страницы, но совершенно очевидно, что он никогда не отбирал материал для своих произведений лишь ради занимательности. Он обладал той зоркостью взгляда, той мудростью рук и той прямоотой сердца, которые поднимают любой материал над сферой только интересного, сенсационного. ... Он, естественно, избегает давать оценку ситуациям и героям своих произведений; но в приключенческих повестях он обнаруживает острое чутье к скромному непоказному мужеству и порядочности без ханжества. Это книги настоящего человека. Стивенсон обладал чувством меры, он был наделен юмором и верным пониманием того, что поучительно и жизненно. ... От книг Стивенсона веет необычайно свежим, крепким ароматом, в его духовном климате легко дышится.

Он смотрит на людей ясными, добрыми глазами и видит их в истинных пропорциях. Не сразу начинаешь понимать, почему в этих книгах тебе вдруг придется по душе явный негодяй, а вот хорошего парня, у которого налицо все достоинства, ты посылаешь ко всем чертям. Лишь потом становится ясной точка зрения автора. Дело не в поступках человека и лишь в малой мере — в масштабах его личности. Все дело в том, чтобы масштаб личности и поступки не противоречили друг другу. С такой справедливой мерой незаметно, но упорно,

подходит автор к своим персонажам, причем делает это не без юмора, и от этой нравственной оценки его героям никуда не деться. Это не литературный, а житейский взгляд на вещи, который очень быстро усваиваешь. ...

Материал, из которого лепит художник Р.-Л. Стивенсон, — это живая плоть. В его произведениях все раз и навсегда воплотилось в образы. В книгах Стивенсона мы не только видим вот это море и вот это небо: мы пробуем на вкус, ощущаем запах людей и вещей, они реально существуют, они рядом. ... Даже в переводе бесшабашная, полнокровная картинность его письма действует столь сильно, что уже сейчас, спустя всего несколько месяцев после опубликования издательством Бухенау и Райхерт в Мюнхене полного собрания сочинений Стивенсона на немецком языке, можно обнаружить влияние манеры Стивенсона на целый ряд его молодых последователей в нашей стране. Эта лишенная всякой патетичности картинность, эта классичность в изображении романтического, эта естественная, умная достоверность, это словно само собой разумеющееся отсутствие всякой напыщенности и чопорности — лучшее доказательство прямоты и внутренней разумности содержания, идеи, вещи, человека. В этой атмосфере не могут произрасти уродство, глупость, непристойность. Дышите же воздухом его произведений, читайте Стивенсона!

Бертольд Брехт (1898—1956), немецкий драматург; в статье «Глоссы о Стивенсоне», 1925 г.

Из произведений Стивенсона ясно, что кинематографический принцип видения существовал на этом континенте еще до кино. Разумеется, это не единственная причина, по которой смешно утверждать, будто через кино техника внесла в литературу новое видение. Что касается языка, то европейская литература давно отражает новые принципы видения. Рембо, скажем, уже вполне кинематографичен. Но у Стивенсона кинематографичны целые эпизоды.

«Клуб самоубийц»

Нина Яковлевна Дьяконова (1915), *российский литературовед*

В течение 1878 года он пишет циклы рассказов «Клуб самоубийц» (“The suicide club”) и «Брильянт раджи» (“The Rajah’s diamond”). Они были опубликованы в 1878 году под названием «Позднейшие арабские ночи» (“Latter day Arabian nights”). Впоследствии они составили первый из двух томов издания, названного «Новые арабские ночи» (“New Arabian nights”, 1882).

За невероятными поворотами сюжета, за гротескно-неправдоподобными приключениями бесхитростных, наивных и не готовых к жизни молодых людей, то избегающих соблазна, то поддающихся ему, за насмешливо подчеркнутой ассоциацией между принцем Флоризелем из полусказочной Богемии и легендарным героем «Тысячи и одной ночи» Гарун-аль-Рашидом угадываются излюбленные идеи Стивенсона о мужестве и твердости в испытаниях, об умении и желании служить ближнему и в то же время о проклятии, которое навлекают на людей алчность, расчетливость, трусость. ...

Самый замысел современной «Тысячи и одной ночи» пародирует знаменитые арабские сказки, а вместе с ними и восточные мотивы в английской романтической литературе. В роли всемогущего халифа выступает принц, которому суждено завершить свою царственную карьеру владельцем табачной лавчонки. Таково, по ироническому замыслу Стивенсона, соотношение поэтического творения древности и искусства XIX века, в котором оно может быть только объектом пародии.

... Полны иронии три рассказа, составляющие первый цикл первого тома «Новых арабских ночей» — «Клуб самоубийц». Здесь преобладают ... антипессимистические мотивы. «История молодого человека и пирожных с кремом» (Стивенсон придал герою черты сходства со своим другом и кузеном Бобом) представляет собой смешную пародию на модный пессимизм, на тех, кто щеголяет мировой скорбью á la Шопенгауэр.

... Таинственные свидания, блестящие дамы с сомнительной репутацией, дуэли и смерти, превращение целого этажа обыкновенного нежилого дома в сверкающий огнями бальный зал, неожиданные разоблачения, трупы в сундуках, извозчики, везущие неизвестных пассажиров в неизвестных направлениях, — весь этот

набор клише из приключенческого романа демонстрируется весело, непринужденно, с нескрываемой иронией.

За этим маскарадом скрываются мрачные загадки реальной жизни, которую Стивенсон, в соответствии со своими эстетическими убеждениями, не хочет пускать на страницы рассказов иначе как в преображенном, фантасмагорическом освещении. Фантасмагория делает ненавязчивыми моральные цели автора, его желание внушить веру в честность, порядочность, в ценность личности и ее предназначение.

Эндрю Лэнг (1844—1912), *шотландский писатель, переводчик, историк и этнограф*

Возможно, первейшее качество таких многочисленных и разнообразных сочинений мистера Стивенсона, которое поражает читателя, — это жизнерадостность, сохранившийся в нем ребенок. Он не раз говорил миру, в прозе и стихах, как ярки его воспоминания о собственном детстве. ... Характерной чертой мистера Стивенсона было не только то, что он был фантастическим ребенком и сохранил в зрелом возрасте эту фантазию, развившуюся в воображение, он также сохранил привычку драматизировать все, играть полусознательно много ролей, превращать мир в «нереальное волшебное место». Из-за такого склада ума его творчество кажется иногда довольно странным. Так, в туманах и ужасах Лондона он играет роль арабского сказочника, и его «Новые арабские ночи» — это новый вид романтизма — восточный, причудливый, как работа ребенка-эльфа. ...

Первые опубликованные рассказы мистера Стивенсона, «Новые арабские ночи», впервые появились в странном еженедельнике, который никто не читал, или никто, кроме его авторов. Они приняли причудливые истории с радостью; но, возможно, только один из них предвидел, что сильной стороной мистера Стивенсона должна была стать художественная литература, а не эссеистика; что он будет с успехом обращаться к широкой публике, а не к узкому кругу эссеиста. Не казалось вероятным, что наша бесчисленная публика почувствовала себя уютно в тех фантастических местах, которые воображение мистера Стивенсона открыло в окрестностях Стрэнда. Невозможный «Молодой человек с кремовыми пирожными», ужасные веселья «Клуба самоубийц», восточные причуды «Извозчичьей пролетки» —

кто мог предвидеть, что они придутся по вкусу обществу! Это правда, что воображение мистера Стивенсона создало президента Клуба и его трусливого участника мистера Мальтуса такими же реальными, как и ужасными. Его история всегда шла рука об руку с действительностью. ... Мир увидел это и аплодировал «Ночам принца Флоризеля» в сказочном Лондоне.

Ричард Олдингтон (1892—1962), *английский писатель*

...В те дни широкий рынок принадлежал беллетристике, которая не маскировалась ни подо что другое, поэтому с практической точки зрения Фэнни (*жена Стивенсона*) была абсолютно права, когда поощряла Луиса превратить фантастическую идею Боба о клубе самоубийц в занимательный рассказ и написать еще ряд других в том же духе. Название книги, равно как и образ принца Флоризеля, в котором читатели и без помощи Фэнни, раскрывшей впоследствии, кто служил ему прототипом, узнали сильно приукрашенного принца Уэльского, должно было снискать «Новым сказкам Шехерезады» широкую популярность.

Бирдж Харрисон, *Century Magazine*, декабрь 1916 г.

Луис ... делал пометки, и несколько рассказов, которые позже появились в «Новых арабских ночах» и должным образом посвящены там «моему кузену Роберту Моубрею Стивенсону», были подсказаны последним. ... Первым из них является знаменитый «Клуб самоубийц», к которому, однако, Стивенсон сам добавил самый оригинальный и эффектный штрих — случай молодого человека с кремовыми пирожными. Жуткая идея основного сюжета выросла из негодующего протеста Боба против высказанного его кузеном мнения о том, что с точки зрения морали люди не могут действовать свободно, и что ни один человек не имеет права распоряжаться собственной жизнью, так же как он не имеет права распоряжаться жизнью своего друга или ближнего. Боб в ответ процитировал стихотворение Омара [*Хайяма*] ... и горячо доказывал, что так как с нами не советовались, когда так грубо и без нашего согласия бросили нас в жизнь, нам, без сомнения, принадлежит право выбора, когда и каким способом покинуть ее. За этим последовал неизбежный монолог, который постепенно развился в сюжет «Клуба самоубийц», как он напечатан в

«Новых арабских ночах», и в котором Боб высказывает собственные мысли о самом подходящем способе избавления от мирской суеты.

Вильям Грей (1952), *автор книги о Стивенсоне, 2004 г.*

Первое и самое знаменитое сочинение «Позднейших арабских ночей», под названием «Клуб самоубийц», открывается абсурдной сценой в кабачке неподалеку от Лестер-сквера, где эксцентричный молодой человек раздает пирожные с кремом всем подряд, прежде чем открыть свою душу принцу Богемии Флоризелю (под именем Теофилуса Годола) и полковнику Джеральдину (под именем майора Альфреда Хаммерсмита). В то время как действие некоторых из этих странных сказок происходит в Париже, оно также помещено в Лондоне, с одним из персонажей, несчастным Бартоломью Мальтусом, проживавшим в доме номер 16 на площади Чепстоу.

Иван Александрович Кашкин (1899—1963), *советский переводчик, литературовед*

«Новые сказки Шехеразады» («New Arabian Nights», 1882, написаны в 1878 году) по самому заглавию своему являются продолжением старой традиции фабульного рассказа. Это одновременно и попытка внести романтику в обыденную жизнь, и сатира на общество, изжившее себя и пытающееся вернуть вкус к жизни, играя с опасностью и смертью. В «Клубе самоубийц» ставкой азартной игры служит жизнь, а организатор клуба услужливо освобождает своих клиентов от излишних колебаний, связанных с расплатой, заставляя их убивать друг друга. В таком гротескном преломлении осуществляется провозглашенный Стивенсоном девиз: «Жить надо опасно». Вместе с тем явственно проглядывает ирония Стивенсона. Ироничен Лондон, принимающий очертания какого-то сказочного Багдада, где подвизается некий принц Флоризель — не то мудрый Гарун-аль-Рашид, восстанавливающий справедливость, не то косвенная пародия на Эдуарда принца Уэльского, как раз в те годы забавлявшегося инкогнито по столицам Европы, прежде чем стать королем Эдуардом VII.

«Черная стрела»

Нина Яковлевна Дьяконова (1915), российский литературовед

Журнал “Young Folk” завершил публикацию «Острова сокровищ» 28 января 1882 года, и уже в следующем году там же стал печататься новый роман «Черная стрела» (“The Black arrow”), который не в пример предшествующим сразу очень понравился, хотя сам Стивенсон никогда не придавал ему никакого значения и откровенно называл «образчиком псевдоархаизации». *(Это приблизительный перевод придуманного самим Стивенсоном словечка tushery; оно происходит от архаического восклицания tush! (тьфу!), с помощью которого авторы псевдоисторических романов пытались создать колорит эпохи. — Примечание Н. Я. Дьяконовой.)* Он так мало интересовался своим новым произведением, что опубликовал его в виде книги лишь в 1888 году.

Суровое суждение автора совпало с еще более суровым мнением его жены: она объявила, что не в силах даже дочитать эту чепуху. Поэтому писатель посвятил книгу ей, «чтобы не упустить возможности проявить свое чувство юмора». Однако читатели продолжали увлекаться романом, и он выдержал огромное число изданий и переизданий. Образцами Стивенсону служили романы Александра Дюма, с одной стороны, и Вальтера Скотта — с другой. У француза он научился искусству вести интригу, создавать поражающие воображение ситуации, у шотландца — умению сплести частные судьбы героев с выдающимися историческими событиями. При этом от Дюма его отличает выбор очень юных, неискушенных, чистых душою и помыслами героев, естественное восприятие которых становится для него точкой отсчета, а от Скотта — несравненно меньший интерес к истории, ее тайнам и законам. Если он и подражал, то подражал, повинувшись собственному мироощущению и пониманию вещей, несходному с пониманием его учителей.

Ричард Олдингтон (1892—1962), английский писатель

Подобно «Острову сокровищ», она была подписана «Капитан Джордж Норт», но судьба ее оказалась совершенно иной — она пришлась по вкусу юным читателям и совершенно не понравилась поклонникам Стивенсона. ... Стивенсон писал «Черную стрелу» по частям, переезжая с места на место и от номера к номеру забывая, что происходит с его героями. Когда книга подошла к концу, корректор

журнала вынужден был напомнить автору, что тот забыл избавиться от четвертой черной стрелы и одного из злодеев.

Письмо корректора Стивенсону

Глубокоуважаемый сэр,

Рискуя навлечь на себя Ваш гнев, я осмеливаюсь указать вам на то, что может быть умышленным пропуском, но, по моему мнению, является, возможно, недосмотром. В книге было четыре черных стрелы, которые должны были быть использованы со смертельной целью. Три были объяснены. В этом заключительном выпуске четвертая не упоминается; нет в нем также указания на судьбу сэра Оливера, для которого, очевидно, была предназначена четвертая стрела. Эта мысль пришла мне в голову особенно потому, что ужас сэра Оливера перед насильственной смертью был не раз так ярко изображен в романе.

Считайте меня, сэр, не Вашим критиком, но Вашим слугой,
Корректор, У. Ф.

Ответ Стивенсона

Глубокоуважаемый сэр,

Наоборот, благодарю вас от всего сердца. По правде сказать, с течением времени моя история стала развиваться сама по себе и совершенно вышла из-под моего контроля; ужасный конец, который я уготовил сэру Оливеру, оказался невозможным, и, стыдно признаться, я начисто про него забыл.

Благодаря вам, сэр, он понесет заслуженную кару. Сегодня я посылаю вам оттиски сорок девятой, пятидесятой и пятьдесят первой страниц, а завтра или послезавтра, умертвив священника, отправлю остальные. ...

То, что Вы столь более бдительны, чем я, одновременно унизительно и, я говорю это с большой скромностью, возможно, лестно. Корректор — это как будто скрытый пророк между автором и читателями, скрытый, анонимный посредник; и мне приятно приветствовать и благодарить его.

Ваш благодарный слуга,
Роберт Луис Стивенсон,
или капитан Джордж Норт.

Лесли Коуп Корнфорд (1867—1927), британский журналист и писатель

В «Черной стреле» ... с одной стороны, история обращается к очень отдаленному периоду; а с другой, автор был нацелен только на то, чтобы развлечь мальчиков и девочек; в то время как в «Острове сокровищ» он был увлечен развлечением самого себя. И в то же время эта средневековая толпа дворян, священников, воинов и преступников выстроена перед нами ... с некоторыми жизненными акцентами и автор, глубоко заинтересованный в персонаже таком, каков он есть, не может удержаться от придания ему некоторых своеобразных черт.

Литература

Брехт Б. Театр: в 5 т. Т. 5/1. — М.: Искусство, 1965. — 527 с.

Дьяконова Н. Я. Стивенсон и английская литература XIX века. — Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. — 192 с.

Кашкин И. А. Для читателя-современника: статьи и исследования. — М.: Советский писатель, 1977. — 558 с.

Олдингтон Р. Стивенсон: Портрет бунтаря / Пер. с англ. — М.: Книга, 1985. — (Писатели о писателях).

Фейхтвангер Л. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. — М.: Художественная литература, 1968. — 767 с.

Balfour G. The life of Robert Louis Stevenson: in two volumes. — Volume II. — New York: Charles Scribners Sons, 1901. — 275 p.

Black M. M. Robert Louis Stevenson. — Edinburgh & London: Oliphant, Anderson & Ferrier, 1888. — 159 p.

Chesterton G. K., Nicoll R. W. Robert Louis Stevenson. — New York: James Pott & Company, 1906. — 48 p.

Cornford L. C. Robert Louis Stevenson. — Edinburgh & London: William Blackwood & Sons, 1900. — 200 p.

Cruse A. Robert Louis Stevenson. — New York: Frederick A. Stokes Company, 1915. — 190 p.

I can remember Robert Louis Stevenson / Edited by Rosaline Masson. — Edinburgh; London: W & R Chambers, 1922. — 292 p.

Lang A. Mr. Stevenson's works / Lang Andrew. Essays in little. — New York: Charles Scribner's sons, 1897. — P. 24—35.

Gray W. Robert Louis Stevenson: a literary life. — Palgrave Macmillan, 2004. — 190 p.

Stevensoniana: An anecdotal life and appreciation of Robert Louis Stevenson / J. A. Hammerton. — Edinburgh: John Grant, 1910. — 350 p.

Strong I. Robert Louis Stevenson. — New York: Charles Scribner's sons, 1911. — 87 p.

Клуб самоубийц

Новые арабские ночи

Рассказ о молодом человеке с пирожными

За время своего пребывания в Лондоне блистательный принц Богемии Флоризель среди всех слоев общества снискал славу своей скромностью и взвешенной щедростью. Судя по тому, что было о нем известно (а известна была лишь малая часть его деяний), он был замечательным человеком. Невзирая на безмятежность нрава в обычных обстоятельствах и привычку, подобно землепашцу, философски относиться к этому миру, принц Флоризель не был лишен определенного влечения к жизни более авантюрной и эксцентричной, чем та, которая была уготована ему от рождения. Иногда, когда им овладевало тоскливое настроение, когда ни в одном лондонском театре не шло веселых пьес или время года не подходило для тех активных занятий, в которых его высочество не знал себе равных, он призывал своего шталмейстера и наперсника полковника Джеральдина и велел готовиться к вечерней прогулке. Шталмейстер был молодым человеком храброго, если не сказать, отчаянного склада. Подобные приказания всегда вызывали у него ликование, и он тут же убегал собираться. Немалый опыт и разностороннее знакомство с жизнью развили в нем необычайный талант к маскировке. Он мог подделать не только внешность и манеры, но даже голос и чуть ли не мысли человека любого положения в обществе, характера или национальности, благодаря чему ему удавалось отвлекать внимание от принца и проникать вместе с ним в самые неожиданные компании. Официальным властям не сообщалось об их тайных приключениях; невозмутимая храбрость одного и рыцарская преданность и

находчивость другого много раз помогали им преодолевать опасности, и со временем они преисполнились полного доверия друг к другу.

И вот как-то раз мартовским вечером колючий снег со льдом загнал их в «Устрицу», кабачок, расположенный в двух шагах от Лестерсквер. Полковник Джеральдин был одет и загримирован под пребывающего в стесненных обстоятельствах человека, связанного с прессой, в то время как принц, как обычно, изменил внешность при помощи фальшивых усов и пары густых накладных бровей. Это придавало ему грубоватый вид человека, познавшего превратности судьбы, что, при заложенной в нем от природы внешности, делало его совершенно неузнаваемым. В таком обличье принц и его спутник и засели за бренди с содовой.

Посетителей в кабачке было много, как мужчин, так и женщин, но, невзирая на то что многие из них были не прочь поговорить, при ближайшем знакомстве никто из них не вызвал интереса у наших искателей приключений. Все присутствующие были типичными самыми заурядными представителями лондонского дна. И вот, когда принц заскучал и уже начал позевывать, створки двери разлетелись в стороны, в кабачок вошел молодой человек в сопровождении пары слуг. В руках каждого из слуг был большой, накрытый крышкой поднос с пирожными. Едва они переступили порог, крышки были сняты и молодой человек стал обходить по очереди всех присутствующих, с подчеркнутой учтивостью предлагая каждому эти сладости. Кто-то со смехом принимал его угощение, кто-то твердо или даже резко отказывался, и в последних случаях молодой человек неизменно съедал предлагаемое пирожное, сопровождая это более-менее шуточным комментарием.

Наконец он дошел и до принца Флоризеля.

— Сэр, — с глубочайшим почтением произнес он, кланяясь и одновременно протягивая ему двумя пальцами пирожное. — Не окажете ли честь совершенно постороннему человеку? За качество выпечки я ручаюсь, ибо с пяти часов я съел их уже ровно двадцать семь штук.

— Я привык смотреть не столько на сам подарок, — отвечал принц, — сколько на то, с каким чувством он мне преподносится.

— Чувство, сэр, — молодой человек снова поклонился, — самое издевательское.

— Издевательское? — повторил Флоризель. — И над кем же, позвольте узнать, вы намерены издеваться?

— Я заглянул сюда не для того, чтобы разьяснить свою философию, — ответил молодой человек, — а чтобы раздать эти пирожные. Если я упомяну, что своими действиями выставляю на посмешище себя в не меньшей степени, чем тех, на кого мое издевательство направлено, и полностью осознаю этот факт, надеюсь, ваша щепетильность будет удовлетворена и вы примете угощение. В противном случае мне придется съесть двадцать восьмое пирожное, а мне, признаться, они уже порядком надоели.

— Ваше признание тронуло меня, — молвил принц, — и я готов незамедлительно решить вашу дилемму, но при одном условии. Если я и мой друг съедем по пирожному (к чему ни я, ни он не имеем склонности), вы в качестве благодарности присоединитесь к нам за ужином.

Молодой человек задумался.

— У меня еще осталось несколько дюжин пирожных, — наконец заговорил он, — а посему мне предстоит обойти еще несколько подобных заведений, и лишь после этого я смогу считать свое великое дело законченным. Так что, если вы голодны...

Принц прервал его вежливым жестом.

— Мы с другом составим вам компанию, — сказал он, — поскольку нас очень заинтересовал ваш приятный способ проводить вечера. И теперь, когда мирный договор заключен, позвольте мне подписать его от имени нас двоих.

И с самым изящным образом принц проглотил пирожное.

— Восхитительно.

— Сударь — знаток, — сказал на это молодой человек.

Полковник Джеральдин также отдал должное выпечке, и, поскольку теперь в кабачке уже не осталось никого, кто не принял бы угощения или не отказался бы от него, молодой человек отправился в другое подобное заведение. Двое слуг, которые, судя по их лицам, уже свыклись с нелепостью своего занятия, последовали сразу за ним; замыкали процессию улыбающиеся принц и полковник. В таком порядке компания зашла еще в две закусочные, где произошло примерно то же, что уже было описано: кто-то отказывался, кто-то

принимал угощение странствующего хлебосола, и сам молодой человек неизменно съедал каждое невостребованное пирожное.

Выйдя из третьего паба, молодой человек подсчитал оставшиеся пирожные. Всего их оказалось девять, три на одном подносе и шесть на другом.

— Господа, — обратился он к двум своим последователям, — я не хочу, чтобы из-за меня вы отложили ужин. Я совершенно уверен, что вы уже проголодались, и просто обязан уделить вам особое внимание. В этот знаменательный для меня день, когда я прощаюсь со своей прошлой безрассудной жизнью глупейшим из всех поступков, когда-либо совершенных мной, я желаю быть великодушным со всеми, кто меня поддерживал. Господа, больше вам ждать не придется. Несмотря на то что здоровье мое и без того уже подорвано прежними излишествами, я, с риском для жизни, устраняю затруднительное обстоятельство.

С этими словами он стал забрасывать себе в рот пирожные, пока не проглотил все девять. После этого молодой человек повернулся к слугам и дал им пару соверенов.

— Благодарю вас, — сказал он, — за ваше исключительное терпение.

И он отпустил их, вежливо кивнув каждому. Несколько секунд молодой человек молча глядел на свой бумажник, из которого только что вынул деньги, а потом, рассмеявшись, бросил его на середину улицы и объявил о своей готовности поужинать.

В одном французском ресторане в Сохо, который некоторое время пользовался незаслуженно громкой славой, но начал уже забываться широкой публикой, в отдельном номере на третьем этаже трое компаньонов заказали себе легкий, изысканный ужин. За непринужденным разговором было выпито три или четыре бутылки шампанского. Новый знакомый принца и Джеральдина был весел и держался непринужденно, но смеялся он чуть громче, чем можно было ожидать от человека его воспитания. Руки его сильно дрожали, а голос то и дело неожиданно менял интонацию, что происходило, по всей видимости, без его желания. Когда было покончено с десертом и все трое закурили сигары, принц обратился к необычному собеседнику:

— Я уверен, вы простите мое любопытство, но я наблюдаю за вами, и то, что я успел увидеть, необычайно меня порадовало, но еще

больше озадачило. Мне меньше всего хочется показаться нескромным, но, смею вас уверить, что я и мой друг — люди в высшей степени надежные. У нас достаточно своих секретов, которые мы постоянно доверяем тем, кому не следует. И если, как я предполагаю, ваша история достаточно глупая, с нами вы можете чувствовать себя совершенно свободно, поскольку мы двое — величайшие глупцы во всей Англии. Меня зовут Годалл, Теофилус Годалл; мой друг — майор Альфред Хаммерсмит. По крайней мере, он предпочитает, чтобы его называли именно так. Наша жизнь полностью посвящена поискам экстравагантных приключений, и нет такой экстравагантности, которая не была бы нам интересна.

— Вы мне нравитесь, мистер Годалл, — вежливо ответил молодой человек. — Вы вызываете доверие. И я не имею ничего против вашего друга майора, который, я полагаю, на самом деле переодетый вельможа. Во всяком случае, к армии он не имеет никакого отношения — в этом я полностью уверен.

Полковник улыбнулся, услышав подобную похвалу своему искусству перевоплощения, а молодой человек тем временем продолжил несколько более взволнованным тоном:

— Есть множество причин, почему мне не стоит посвящать вас в свои дела. Возможно, из-за этого я и хочу это сделать. По крайней мере, я вижу, что вам до того хочется узнать историю моей глупости, что я просто не в силах разочаровать вас. Своего имени, в отличие от вас, я не назову. Возраст мой не имеет значения. Мои родители произвели меня на свет в браке, от них я унаследовал весьма неплохой дом, в котором живу до сих пор, и состояние, которое приносит мне триста фунтов годовых. Мне кажется, что от них же мне досталась и страсть к веселому безрассудству, которому я предаюсь с величайшим наслаждением. Я получил хорошее образование. Владею скрипкой почти настолько, что мог бы этим зарабатывать в оркестре какого-нибудь варьете, хотя и не совсем. То же замечание относится к флейте и валторне. В вист я играю достаточно хорошо, чтобы проигрывать в эту ученую игру фунтов сто в год. Моих познаний во французском хватило на то, чтобы в Париже мне удавалось проматывать деньги с не меньшим успехом, чем в Лондоне. Короче говоря, я самый обычный мужчина. В моей жизни было множество самых разных приключений, в том числе дуэль из-за пустяка. Всего два месяца назад я

познакомился с девушкой, которая полностью соответствовала моему вкусу, и умственно, и внешне. Сердце мое растаяло, я понял, что наконец встретил свою судьбу и полюбил. Но когда я стал подсчитывать, что осталось от моего капитала, оказалось, что в кармане у меня четыреста фунтов, даже немного меньше! Может ли, спрашиваю я вас, уважающий себя мужчина позволить себе любить, если за душой у него четыре сотни? Придя к выводу, что, конечно же, нет, я оставил предмет моих вздыханий и, немного увеличив свои обычные траты, сегодня утром свел свое состояние до восьмидесяти фунтов. Их я разделил на две равные части. Сорок фунтов я оставил для определенной цели, другие же сорок решил потратить сегодня до наступления вечера. День прошел очень интересно. Кроме этой выходки с пирожными, благодаря которой я имел честь познакомиться с вами, господа, я устроил еще несколько дурацких выходок, поскольку, как я уже говорил вам, хочу окончить свою глупейшим образом прожитую жизнь еще большей глупостью, и, когда вы видели, как я бросил на дорогу бумажник, он был пустым, сорок фунтов были истрачены. Теперь вы знаете меня не хуже меня самого: я — дурак, но последовательный в своей глупости; и, смею вас уверить, не нытик и не трус.

Из того, каким тоном юноша рассказывал о себе, стало понятно, что его собственная персона вызывала у него горечь и даже пренебрежение, и слушателям его осталось лишь заключить, что дела сердечные в действительности были для него куда важнее, чем он пытался представить, и что молодой человек этот имел определенные планы на свою жизнь. Фарс с пирожными начинал превращаться в завалуированную трагедию.

— Подумать только! — воскликнул тут Джеральдин, бросив взгляд на принца Флоризеля. — Разве не странно, что в такой громадной пустыне, как Лондон, благодаря совершеннейшей случайности, встретились три человека, находящиеся почти в одинаковом положении?

— Как? — изумился молодой человек. — Вы тоже остались без гроша? Что, этот ужин такое же безрассудство, как и мои пирожные? Неужели дьявол свел нас троих для последнего кутежа?

— Дьявол, можете мне поверить, порой бывает способен на весьма благородные поступки, — изрек принц Флоризель. — И меня

настолько тронуло это совпадение, что, хоть мы находимся и не совсем в одинаковых обстоятельствах, я намерен положить конец этому неравенству. И пусть ваш героический поступок с пирожными послужит мне примером.

С этими словами принц вынул бумажник и достал из него небольшую пачку банкнот.

— Как видите, я отставал примерно на неделю, но хочу догнать вас и прийти к финишу ноздря в ноздрю с вами, — продолжил он. — Это, — он положил на стол одну банкноту, — плата за ужин. Ну а остальное...

Он бросил деньги в камин, и те сгорели в один миг.

Молодой человек попытался было перехватить его руку, но, поскольку сидели они на противоположных краях стола, не успел вмешаться.

— Несчастный, что же вы натворили! — закричал он. — Нельзя было сжигать все. Вам нужно было оставить сорок фунтов.

— Сорок фунтов? — повторил принц. — Но зачем же? Да и почему именно сорок?

— Почему, скажем, не восемьдесят? — подхватил полковник. — Я точно знаю, в пачке было сто.

— Ему было нужно только сорок, — уныло произнес молодой человек. — Но без них вас не примут. Правило соблюдается очень строго. Каждый должен внести сорок фунтов. Будь проклята эта жизнь, где человек даже умереть не может без денег!

Принц и полковник переглянулись.

— Объясните, пожалуйста, — сказал Джеральдин. — Мой бумажник еще не окончательно опустел, и незачем говорить, что я всегда готов поделиться с Годаллом. Но мне нужно знать для чего. Вы просто обязаны рассказать нам, что у вас на уме.

Молодой человек словно пробудился ото сна; он с беспокойством перевел взгляд с одного собеседника на другого и вдруг покраснел.

— А вы меня не обманываете? — спросил он. — Вы действительно разорены?

— Я, со своей стороны, так точно, — ответил полковник.

— А что касается меня, — сказал принц, — я уже представил вам доказательство. Мой поступок говорит сам за себя. Кто, кроме нищего, станет бросать деньги в огонь?

— Разве что миллионер, — с подозрением ответил юноша.

— Достаточно, сударь, — сказал принц. — Я сказал что сказал и не привык, чтобы мои слова ставили под сомнение.

— Так вы говорите, что разорены? — протянул молодой человек. — Разорены так же, как я? Вы тоже, прожив жизнь, потворствуя своим желанием, дошли до того, что вам осталась лишь одна последняя прихоть? И вы, — голос его становился все тише и тише, — и вы в самом деле намерены не отказать себе в этой прихоти? Вы действительно хотите избавиться от последствий вашего безрассудства единственным надежным и простым способом? Вы хотите ускользнуть от строгих стражей совести через единственную приоткрытую дверцу?

Неожиданно он замолчал и через силу засмеялся.

— Ваше здоровье! — воскликнул он и осушил стакан. — И спокойной ночи, веселые бедняки.

Когда он хотел подняться, полковник схватил его за рукав.

— Вы нам не доверяете и напрасно, — сказал он. — На все ваши вопросы я даю утвердительный ответ. Но я не настолько робок, чтобы ходить вокруг да около. Мы точно так же, как и вы, пресытились жизнью и намерены умереть. Рано или поздно, в одиночестве или вместе, мы будем искать смерти и готовы принять ее, когда настанет пора. Но поскольку мы повстречались с вами и ваш случай более неотложный, пусть это будет сегодня же... Немедленно! И если пожелаете, мы уйдем из жизни все втроем одновременно. Да такая троица нищих, как мы с вами, — вскричал он, — просто обязана войти в царство Плутона рука об руку, чтобы поддержать друг друга в мире теней!

Джеральдин в совершенстве передал интонации и поведение того человека, которого изображал. Даже принц несколько встревожился и посмотрел на своего наперсника с сомнением. Что же касается молодого человека, щеки его загорелись с новой силой, а глаза точно выбросили лучи света.

— Вы — именно те, кто мне нужен! — воскликнул он с каким-то жутковатым весельем. — Давайте же скрепим нашу сделку! — Он протянул руку (ладонь у него оказалась холодной и влажной). — Вам неизвестно, с какими людьми вы отправитесь в путь! Вам неизвестно, в какой счастливый для себя миг вы отведали моих пирожных. Я всего лишь единица, но я единица в армии мне подобных. Я знаю тайную

дверь, ведущую к смерти! Я ее близкий друг, и я могу провести вас к вечности без лишних церемоний и без скандала.

Они горячо попросили его объяснить.

— У вас восемьдесят фунтов на двоих найдется? — спросил он.

Полковник для виду порылся в своем бумажнике и ответил утвердительно.

— Удача уже сопутствует нам! — воскликнул молодой человек. — Восемьдесят фунтов — это вступительный взнос в Клуб самоубийц.

— Клуб самоубийц? — промолвил принц. — А это еще что такое?

— Сейчас поясню, — отвечал молодой человек. — Мы с вами живем в век комфорта, и я поведаю вам о последнем достижении в этой области. Людям необходимо бывать в разных местах, поэтому были изобретены железные дороги. Железные дороги отдалили нас от друзей — и, чтобы мы могли быстрее общаться, находясь на больших расстояниях друг от друга, появился телеграф. Даже в гостиницах есть лифты, чтобы нам не нужно было утруждать себя подъемом по нескольким сотням ступенек. Мы знаем, что жизнь — это не более, чем сцена, на которой мы вольны валять дурака до тех пор, пока нас устраивает эта роль. В современном благоустроенном мире до сих пор не хватало лишь одного удобства: простого и достойного способа покинуть эту сцену, черного хода к свободе или, как я только что сказал, тайной двери смерти. Ее-то, дорогие мои бунтари-единомышленники, и предоставляет Клуб самоубийц. Но не думайте, что мы с вами одиноки или исключительны в своем в высшей степени благоразумном желании. Есть великое множество подобных нам, кому прискучила пьеса, в которой нужно лицедействовать изо дня в день, на протяжении всей жизни; кого в этом мире удерживает лишь одно-два соображения. Кто-то не хочет подвергать удару семью или боится, что его родственников начнут в чем-то обвинять, если дело получит огласку; кто-то просто слаб духом и страшится обстоятельств смерти. Это, в некоторой степени, относится и ко мне. Я не могу просто приставить к голове пистолет и спустить курок, от этого меня удерживает некая неподвластная мне сила; и хоть я презираю жизнь, я недостаточно силен, чтобы взять смерть в свои руки и покончить со всем разом. Для таких, как я, и для всех, кто желает развязать этот узел без посмертной шумихи, и был учрежден Клуб самоубийц. Кто и как занимается его управлением, какова его история и существуют ли у

него филиалы в других странах, об этом мне неизвестно, а о принятых в нем правилах я сообщить вам не имею права. Во всем же остальном я к вашим услугам. Если вы в самом деле устали от земного существования, сегодня вечером я проведу вас туда. И если не сегодня, то, по крайней мере, до конца недели вы легко расстанетесь с жизнью. Сейчас (если эти часы не врут) одиннадцать, значит, выходить нам нужно не позже чем через полчаса. Полчаса нужны вам для того, чтобы рассмотреть мое предложение. Это посерьезнее пирожных, — добавил он с улыбкой. — И я думаю, что аппетитнее.

— Серьезнее, это точно, — согласился полковник. — И раз уж на то пошло, если вы не против, я бы хотел пять минут поговорить со своим другом мистером Годаллом с глазу на глаз.

— Разумеется! — ответил молодой человек. — С вашего позволения, я вас покину.

— Буду весьма обязан, — промолвил полковник.

Когда они остались вдвоем, принц Флоризель спросил:

— К чему это совещание, Джеральдин? Я вижу, вы слегка взволнованы, но мой разум совершенно спокоен. Я хочу узнать, чем это закончится.

— Ваше высочество, — воскликнул полковник, бледнея, — позвольте напомнить вам о важности вашей жизни. Не только для ваших друзей, но и в интересах державы. «Если не сегодня», — сказал этот сумасшедший; но если предположить, что какое-то непоправимое несчастье случится с вашим высочеством, представьте, каково будет мое отчаяние и какой катастрофой это обернется для великой нации.

— Я хочу узнать, чем это закончится, — без тени сомнения в голосе повторил принц. — И вы, полковник Джеральдин, будьте любезны, не забывать и уважать данное вами слово чести. И помните, ни при каких обстоятельствах без моего специального разрешения вы не должны раскрывать имени, под которым я путешествую за границей. Таково было мое указание, и сейчас вы вынуждаете меня повторять его. А теперь, — добавил он, — оплатите, пожалуйста, счет.

Полковник Джеральдин покорно поклонился, но оставался очень бледен, когда звал молодого раздатчика пирожных и отдавал указания официанту. Принц же сохранил полнейшую невозмутимость и принялся увлеченно и с величайшим юмором описывать юному самоубийце последний фарс, идущий в Пале-Рояле. Он с самым

невинным видом и совершенно естественно избегал умоляющего взгляда полковника и даже сигару выбирал чуть тщательнее обычного. Несомненно, что его высочество был единственным в небольшой компании, кто сохранил спокойствие духа.

Когда был принесен счет, принц оставил огромные чаевые ошеломленному официанту и тройца погрузилась в экипаж. После непродолжительной поездки кеб остановился у входа в довольно мрачного вида тупик. Здесь все трое высадились.

После того как Джеральдин заплатил за поездку, молодой человек повернулся и обратился к принцу с такими словами:

— У вас еще есть время вернуться в рабство, мистер Годалл. У вас тоже, майор Хаммерсмит. Подумайте хорошенько, прежде чем сделать следующий шаг, и, если ваше сердце скажет вам «нет», идите своей дорогой.

— Ведите нас, сэр, — ответил принц. — Я не привык отказываться от своих слов.

— Я восхищен вашим хладнокровием! — промолвил их проводник. — Еще никогда я не видел, чтобы кто-нибудь в таких обстоятельствах сохранял подобное спокойствие, а вы — не первые, кого я привожу в это место. Многие из моих друзей, опередив меня, отправились туда, куда (это мне точно известно) в скором времени последую и я. Впрочем, вам это неинтересно. Подождите меня здесь, я на секунду. Вернусь, как только договорюсь, чтобы вас приняли.

И, махнув компаньонам, молодой человек нырнул в тупик и скрылся за дверью.

— Из всех наших выходов, — вполголоса произнес полковник Джеральдин, — эта самая дикая и опасная.

— Совершенно с вами согласен, — ответил принц.

— У нас еще есть несколько секунд, пока нас никто не слышит, — взмолился полковник. — Позвольте мне просить ваше высочество воспользоваться этим шансом и удалиться. Последствия этого поступка могут быть такими ужасающими, что я чувствую себя вправе допустить немного большую вольность, чем ваше высочество позволяет мне в частной обстановке.

— Вы испугались, полковник Джеральдин, я вас правильно понял? — Вынув изо рта сигару, его высочество пристально всмотрелся в лицо шталмейстера.

Полковник гордо поднял голову.

— Я боюсь не за себя. В этом ваше высочество может не сомневаться.

— Я так и думал, — с непоколебимым спокойствием произнес принц. — Но я не хотел напоминать вам о разнице между нашими положениями. Не нужно, не нужно, — добавил он, видя, что Джеральдин собирается извиняться. — Считайте, что вы прощены.

И он продолжил безмятежно курить, прислонившись к оgrade, пока не вернулся молодой человек.

— Ну что? — поинтересовался принц. — Нас примут?

— Следуйте за мной, — был ответ. — Председатель поговорит с вами у себя в кабинете. И хочу вас предупредить: когда он будет что-то спрашивать, отвечайте только правду. Я за вас поручился, но по правилам клуба каждого новичка подвергают тщательному опросу, поскольку неосторожность одного члена может привести к тому, что все общество будет рассеяно навсегда.

Принц и Джеральдин на минуту отошли в сторонку. «Вы подтвердите?..» — тихо молвил один из них. «А вы?..» — шепнул второй, и, поняв друг друга с полуслова, они решили изображать двух своих общих знакомых, характеры которых были хорошо известны обоим. После этого они были готовы следовать за своим поводырем в кабинет председателя.

Никаких особенных преград на пути не встретилось. Дверь, ведущая с улицы в дом, была нараспашку, дверь в кабинет — тоже открыта. В этой небольшой комнатке с очень высокими потолками молодой человек снова их оставил.

— Ждите, сейчас будет. — Кивнув на прощание, он исчез.

Из-за двустворчатой двери в соседнюю комнату доносились голоса. Приглушенные звуки разговора то и дело прерывались хлопками открывающихся бутылок шампанского, за которыми следовали взрывы хохота. Высокое окно (единственное в кабинете председателя) выходило на реку и набережную, и по расположению огней принц и полковник пришли к выводу, что находятся они где-то неподалеку от вокзала Чаринг-Кросс. Обстановка помещения не отличалась пышностью: обивка мебели протерта почти до дыр, и, кроме ручного колокольчика посреди круглого стола да многочисленных шляп и плащей, развешанных на стенах, здесь ничего не было.

— Что это за притон? — проронил Джеральдин.

— Я здесь для того, чтобы узнать это, — сказал в свою очередь принц. — Если они тут держат живых демонов, дельце может оказаться интересным.

И как только он это произнес, двустворчатая дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы пропустить человеческую фигуру, и в комнату, в сопровождении на секунду сделавшегося громче журчания разговоров, проник грозный председатель Клуба самоубийц. Это был крупный мужчина лет пятидесяти или больше, с развалистой походкой, кустистыми бакенбардами, лысиной на макушке и серыми, точно покрытыми пленкой глазами, в которых время от времени вспыхивали огоньки. Губы председателя, в которых была зажата большая сигара, находились в постоянном движении; холодно и проницательно глядя на незнакомцев, он то крутил ими, то перемещал с одной стороны лица на другую. Одет он был в светлый твидовый костюм; в расстегнутом воротнике полосатой рубашки виднелась шея; под мышкой он держал протокольную книгу.

— Добрый вечер, — сказал он, закрыв за собой дверь. — Вы хотели меня видеть.

— Сэр, мы желаем вступить в Клуб самоубийц.

Председатель погоял во рту сигару.

— О чем вы? — резко бросил он.

— Прошу прощения, — ответил полковник, — но, я полагаю, вы — именно тот человек, который может просветить нас в этом вопросе.

— Я? — воскликнул председатель. — Клуб самоубийц? Помилуйте! Сегодня же не первое апреля. Я понимаю, джентльмены, когда выпьют лишнего, могут и пошутить, но это, знаете ли, уж слишком.

— Как бы вы ни называли свой клуб, — сказал полковник, — за этими дверями — веселая компания и мы хотим присоединиться к ней.

— Сэр, — холодно произнес председатель. — Вы ошиблись. Это частный дом, и я попрошу вас покинуть его. Немедленно.

Пока происходил этот небольшой диалог, принц сидел молча, но сейчас, когда полковник посмотрел на него с таким выражением, будто хотел сказать: «Ответьте же ему что-нибудь и давайте уйдем отсюда поскорее, бога ради», он вынул изо рта сигару и произнес:

— Я пришел сюда по приглашению одного из ваших друзей. Несомненно, он сообщил вам о том, с какой целью я вторгаюсь в ваши владения. Позвольте напомнить вам, что находящийся в моем положении связан очень малым и не станет терпеть слишком грубое отношение. Я — очень спокойный человек (как правило), но, дорогой сэр, вы либо окажете мне услугу, о которой я вас прошу, либо горько пожалеете о том, что позволили мне перешагнуть порог вашего дома.

Председатель громко рассмеялся.

— Право слово, хорошо сказано! — воскликнул он. — Вот это настоящий мужчина! Ох, пришились вы мне по душе, так что теперь я весь ваш — делайте со мной, что хотите. Не могли бы вы, — продолжил он, обращаясь к Джеральдину, — оставить нас на несколько минут? Сначала я бы хотел закончить с вашим товарищем, а кое-какие формальности для принятия в клуб требуют разговора без посторонних.

С этими словами он открыл дверь в небольшой чуланчик и запер там полковника.

— Вам-то я полностью доверяю, — сказал он Флоризелю, как только они остались одни, — но уверены ли вы в своем друге?

— Не настолько, насколько я уверен в себе, хотя для того, чтобы прийти сюда, у него имеются еще более веские, чем у меня, причины, — ответил принц, — но я достаточно доверяю ему, чтобы безбоязненно рекомендовать его вам. Ему довелось пережить такое, что сломало бы и самого жизнелюбивого человека. На днях его уличили в подтасовке карт.

— Да, это серьезная причина, — согласился председатель. — По крайней мере, среди нас уже есть один в таком же положении, и в нем я не сомневаюсь. А позвольте узнать, вы тоже служили?

— Да, — последовал ответ. — Но я слишком ленив, поэтому служба моя продолжалась недолго.

— А по какой причине вы считаете, что устали от жизни? — настойчиво поинтересовался председатель.

— По той же, насколько мне видится, — отвечал принц. — Необоримая лень.

Председатель вздрогнул от удивления.

— Черт побери, у вас наверняка должны быть более веские основания!

— Я остался без денег, что тоже, конечно же, неприятно, — добавил Флоризель. — От этого не покидающее меня ощущение тщетности своего существования достигло наивысшей точки.

Председатель несколько секунд крутил сигарой во рту, нацелив острый взгляд прямо в глаза необычного неопита, но принц выдержал это испытание с непревзойденным спокойствием.

— Будь у меня меньше опыта, — наконец произнес председатель, — я бы указал вам на дверь. Но я хорошо знаю этот мир. По крайней мере, настолько, чтобы понимать, насколько труднее всего противиться самым незначительным поводам для самоубийства, и, когда человек мне по душе — вот как вы, сэр, — я готов ради него на все. На все! Я скорее отступлюсь от определенных правил, чем отвечу ему отказом.

После этого принц и полковник были по очереди подвергнуты долгому и тщательному допросу. С принцем председатель поговорил с глазу на глаз, но разговор с полковником происходил в присутствии принца, чтобы председатель мог наблюдать за выражением лица одного, пока второй отвечал на каверзные вопросы. Результат оказался удовлетворительным, и председатель, внося в протокольную книгу кое-какие записи о каждом из новых членов клуба, представил им на подпись некое подобие присяги. Ничто не могло закабалить сильнее, чем обещаемое послушание; не существовало обета более строгого, чем тот, который соглашался соблюдать подписавший сей документ. Осмелившемуся нарушить столь ужасную клятву было уготовано полное бесчестие, и его не спасли бы даже те утешения, которые дарует религия. Флоризель не без содрогания подписал бумагу, полковник со страдальческим выражением лица последовал его примеру. После этого председатель взыскал вступительный взнос и без лишних церемоний провел друзей в курительную комнату Клуба самоубийц.

Потолок курительной комнаты был таким же высоким, как в прилегающем к ней кабинете, но само помещение оказалось гораздо просторнее. Имитирующие дубовую обшивку обои покрывали все его стены сверху донизу, а скачущие языки пламени в камине и многочисленные газовые рожки ярко освещали компанию. Принц и его последователь довели количество собравшихся до восемнадцати человек. В комнате почти все курили или пили шампанское; здесь

царило какое-то лихорадочное веселье, время от времени неожиданно прерываемое секундами зловещей тишины.

— Сегодня все члены клуба в сборе? — спросил принц.

— Почти, — ответил председатель. — Кстати, — добавил он, — если у вас есть деньги, здесь принято заказывать шампанское. Это поддерживает настроение, ну и мне дает небольшой доход.

— Хаммерсмит, — промолвил Флоризель, — закажите шампанского.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ